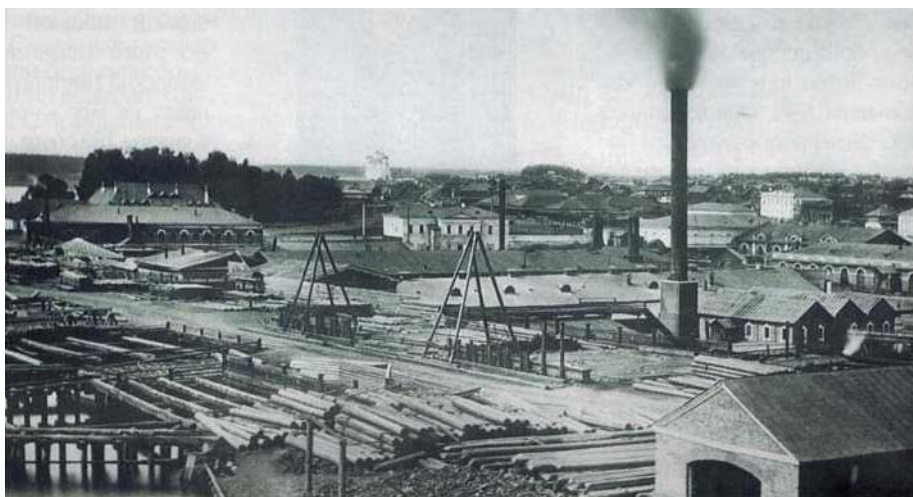

Варяги из Вэрмланда

В один из ласковых весенних дней 1876 года случилось чудо — жители заводского поселка Дегефорс из далекой шведской провинции Вэрмланд впервые в своей жизни увидели русского. К их вящему удивлению, русский прекрасно изъяснялся на шведском языке и вообще производил впечатление солидного и надежного человека. Впрочем, ларчик открывался просто — русский инженер Александр Хассельблат вел свое происхождение из шведской Финляндии. В шведскую глубинку Хассельблата привели сугубо служебные дела. Будучи инженером на Пашковских железоделательных заводах на Урале, он рассчитывал ознакомиться со шведскими методами производства железа. Место было выбрано не случайно: Дегефорсский завод, основанный еще в 1658 году, считался одним из самых передовых в Швеции. Общительный, располагающий к себе Хассельблат блестяще справился с поставленной задачей — он не только заполучил чертежи плавильных печей, но и переманил на русскую службу двух первоклассных мастеров — опытного кузнеца Улофа Фриберга и мощного, обладающего недюжинной физической силой Юхана Скуга. Шведы должны были, по замыслу Хассельблата, обучить русских секретам своего мастерства.

Чтобы все было, как в Швеции, начали с того, что на Тирлянском заводе, где предстояло осуществить производственный эксперимент, соорудили две точно такие же печи, что в Дегефорсе. После этого Фриберг и Скуг, истосковавшиеся по работе, приступили к учебно-показательным занятиям. Занятия давались с трудом. Привычные «запрягать медленно», русские ученики без особого энтузиазма отнеслись к новым, куда более жестким требованиям дисциплинированных шведов.

Особые проблемы возникли с Юханом Скугом, склонным к радикальным методам обучения. Шведа, в частности, сильно раздражала привычка некоторых лежебок, подложив охапку соломы или сена под голову, вздремнуть пару-тройку минут на рабочем месте. Мастер не нашел ничего лучшего, как поджигать солому под спящими головешками. Подпалив пару бород, Скуг добился резкого улучшения трудовой дисциплины, но вконец испортил отношения с местным населением. Возмущенные мужики даже собирались устроить шведу темную, но так и не успели. Не дожидаясь расправы, Скуг быстренько собрал вещички и отбыл на родину. Только его и видели!

В отличие от молодого и чрезмерно горячего коллеги, умудренный опытом Фриберг сумел завоевать искреннее уважение русских. Не могло нарадоваться на шведа и местное начальство. Решив, видимо, не останавливаться на достигнутом, дирекция Пашковских заводов отправила вскоре Фриберга в Дегефорс за дополнительным контингентом шведских мастеровых людей. В те времена Швеция была страной бедной, так что желающих отправиться за рубеж на заработки было предостаточно. Большинство искало счастья в Новом Свете, за океаном. Дегефорсцы не были исключением. Далекая Америка представлялась им гораздо более

желанной и менее опасной, чем неведомая Россия. Тем не менее нашлись и такие, кто решил попытать счастья на востоке. Со смельчаками подписали трехгодовой контракт, согласно которому каждому предоставлялось бесплатное жилье, дрова, корова и корм для скотины. Оплата была сдельной — шесть копеек за пуд железа.

В неведомое далеко

2 мая 1878 года пятнадцать кузнецов из Дегефорса во главе с Улофом Фрибергом взяли курс из Стокгольма на Санкт-Петербург. По прибытии они были тепло встречены представителем московской фирмы «Вогау и компания», владевшей тогда Пашковскими заводами. Далее по железной дороге шведы прибыли в Рыбинск, потом на пароходе отправились вниз по Волге. Из Самары, вновь по железной дороге, в Оренбург. До места назначения — поселка Тирлян, это еще 450 километров, добирались на крестьянских телегах. Вся поездка заняла ни много ни мало один месяц.

В дороге, естественно, не обошлось без приключений. Памятная история произошла в Оренбурге, где шведам неделю пришлось ожидать подхода гужевого транспорта. Маявшиися от безделья кузнецы каждый день дегустировали на постоялом дворе русские горячительные напитки. Пребывая оттого в крайне приподнятом расположении духа, шведы с удовольствием шутили над местным населением. Последнее, к сожалению, не всегда адекватно воспринимало шведский юмор. Попытка одного из весельчаков продемонстрировать дырки в скатерти, для чего он просунул в них обе ноги, вызвала недовольство хозяев, Дело дошло почти до рукоприкладства, когда появился начальник оренбургской железнодорожной станции господин Хорд ав Сегерстад. Русский подданный шведского происхождения быстро развел драчунов в стороны, не дав разгореться межнациональному конфликту. Проблема была разрешена, однако Фрибергу, как главному в группе «шведских товарищей», пришлось уплатить в виде штрафа круглую сумму в сто рублей!

Понятно, что сам Фриберг не стеснялся в выражениях по адресу зачинщика скандала.

В Тирляне шведских кузнецов ждала настоящая русская баня — с березовыми вениками и горячим обжигающим паром. «Родившиеся заново» шведы с интересом знакомились с новой родиной.

«Урал — красивый край. Природа здесь во многом напоминает шведскую. Только лето короче, а растительность богаче», — писали они домой.

Вскоре выяснилось, что разница существует не только между русской и шведской природой, но и между русским и шведским пудом. Первый был вдвое тяжелее шведского и равнялся примерно 16 килограммам. Это означало, что финансовые условия контракта, составленного по русским меркам, оказались не столь привлекательными, как это виделось из шведского далека.

Впрочем, шведы горевали не слишком долго. Изобилие местного рынка и весьма низкий уровень цен быстро подняли им настроение. К тому же соседи на первых порах, пока шведы не получили обещанных буренок, баловали гостей бесплатным молоком. Русские женщины считали для себя большим грехом брать за молоко какие-либо деньги.

Мужики, не уступая женам в гостеприимстве, нередко приглашали шведов в корчму для совместного времяпрепровождения. Действо проходило в лучших русских традициях и сопровождалось обильными возлияниями и массовым употреблением бранных выражений. Уроки русского не прошли бесследно, и к концу первого месяца наиболее активные шведы уже, худо-бедно, могли объясняться на «великом и могучем». Однако «зеленый змий» играл со своими приверженцами злую шутку. Совместные попойки заканчивались порой настоящими драками, в которых охотно участвовали все присутствующие. Как водится, наутро, забыв о вчерашнем, забияки вновь становились лучшими друзьями и коллегами по работе.

Надо сказать, что трудовые отношения на Пашковских заводах, как и в целом по России, существенно отличались от тех, что были приняты в Швеции. Особое удивление шведов

вызывала сторожка на выходе из завода, где после окончания смены каждого рабочего проверяли «на честность». Со временем шведы сами нашли объяснение происходившему: «Украсть что-нибудь у барина не считалось на Руси зазорным. Даже те русские, что добивались высокого положения, не упускали случая поживиться за счет завода или рабочих». К счастью, шведских кузнецов, пользовавшихся репутацией людей честных и крайне ответственных, избавили от прохождения унижительной процедуры.

Расцвет и закат

После прибытия шведов дела на Тирлянском заводе резко пошли в гору. Производительность труда повысилась, доходы возросли. Хассельблат, по праву считавшийся главным инициатором призвания варягов, был отправлен на повышение в соседний Белорецк, где ему предложили должность управляющего всеми Пашковскими заводами. Вместе с ним в Белорецк переехали и наиболее опытные из шведских мастеров.

Примерно в это же время, в августе 1882 года, по многочисленным просьбам шведских колонистов из Швеции прибыли два миссионера — Карл Энгваль и Вильгельм Сарве. Первый, чье здоровье было подорвано многолетней работой в Конго, на Урале не задержался. Пробыв в Тирляне менее года, он отбыл к месту нового назначения — в Кронштадт.

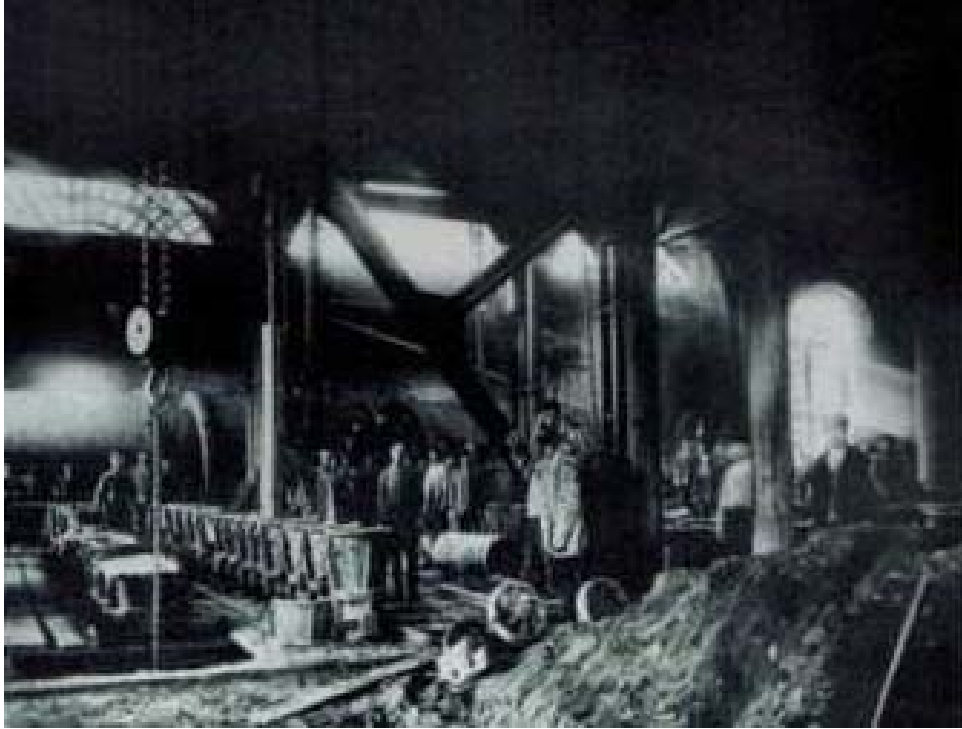
Вся работа по спасению душ шведских колонистов пришлось на долю Вильгельма Сарве. В его задачу входило также распространение веры христовой среди проживавших по соседству башкир. С этой целью в башкирском селе Ташболатово был организован миссионерский приход. Темными зимними вечерами здесь собирались не только любознательные башкиры, но и тосковавшие по дому шведские колонисты. На Рождество варили настоящую рождественскую кашу, отведать которую, по шведским традициям, можно было, только составив какую-нибудь рифму. (Сарве не упоминает в своих записках, распространялось ли это «жестокое» правило исключительно на шведов или сочинением виршей должны были заниматься и бедные башкиры).

Между тем шведская колония постепенно увеличивалась в размерах. Из 25 шведов, отправившихся искать счастья в Россию, двенадцать прибыли на место с «боевыми подружками». Еще шестеро женились на русских, а один взял себе в жены невестку откуда взявшуюся в российской глубинке итальянку! От шведских и интернациональных браков родились 64 малыша. Таким образом, по подсчетам Вильгельма Сарве, в лучшие годы шведская община насчитывала около 100 душ.

Будущее казалось безоблачным. Работа спорилась — «шведское железо» Пашковских заводов за неизменно высокое качество получило известность во всей России. Однако «золотой век» продолжался недолго. Вместе со сменой руководства «Вогану и компании», произошедшей в начале 90-х годов, изменилась и политика фирмы в отношении шведских специалистов. В своих записках Сарве прозрачно намекал на некие немецкие и французские интересы, взявшие верх в правлении.

Уставший от интриг и борьбы за кулисами, Хассельблат подал в отставку и переехал на соседний завод, располагавшийся неподалеку от Уфы. Его примеру последовали и другие шведские инженеры. И хотя шведским кузнецам по-прежнему благоволили, постепенно и они один за другим начали собираться в обратную дорогу...

Зимой 1919 года Вильгельм Сарве, возвращавшийся домой из Сибири, где он по поручению шведского Красного Креста обустроивал в детских домах питерских беспризорников, посетил Белорецк и Тирлян. Его взору предстали «осколки» шведской колонии. В Белорецке осталась всего одна шведка, бывшая замужем за русским архитектором. (Пройдя через жестокие испытания, потеряв двоих детей, она вместе с мужем позднее эмигрировала в Харбин.)

В Тирляне Сарве встретил семью знатного мастера Августа Адамссона и еще нескольких шведов. Всех их ждали тяжелые времена. Самому Сарве пришлось несколько раз преодолеть линию фронта, чтобы добраться до родной Швеции.

Спустя несколько лет Сарве через своих знакомых на Урале узнал, что один из сыновей Адамссона погиб на фронте. Возможно, он сражался в составе Белорецкого полка Уральской партизанской армии под командованием Блюхера. Сам Август Адамссон отошел в мир иной в 1921 году.

По подсчетам Сарве, всего из России в Швецию вернулось 53 шведа, двенадцать из них эмигрировали в Америку. Что стало с остальными, неизвестно. Вероятно, часть из них погибла в горниле гражданской войны, а часть просто растворилась в окружавшем их «русском море».

Источник:

Иванов, К. Варяги из Вэрмланда [Текст] : [шведы на Тирлянском заводе, вторая половина XIX века] / К. Иванов // Родина. – 1999. - № 12. – С. 124 – 126.